

Болсун Г. А.,

кандидат исторических наук, доцент

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Важнейшими социально-образующими характеристиками индустриального пролетариата в период модернизации России конца XIX — начала XX в. стали грамотность и образованность. Несомненно, что для рабочих доминирующей ценностью в этой сфере выступали профессиональные и технические знания, необходимые для работы на фабрично-заводском производстве. Этими и другими факторами была во многом обусловлена востребованность и значимость для пролетариата не только профессионального, но и общего образования.

Требование к предпринимателям об открытии школ для рабочих и их детей неизменно входило в число важнейших заявлений пролетариата, выдвигаемых в ходе забастовок, стачек, волнений на протяжении всего рассматриваемого периода. Школа при фабрике или заводе понималась как одно из социальных условий их жизни, работы, взаимоотношений с предпринимателями. С 1905 г. и вплоть до Первой мировой войны рабочие неуклонно выдвигали требование всеобщего обязательного бесплатного начального образования.

Интересы промышленного производства требовали грамотного рабочего, способного прочесть чертеж, понять и выполнить сложное производственное задание. Поэтому процент грамотных среди рабочих был значительно выше, чем среди сельского населения. По переписи 1897 г. в России было всего 21,1 % грамотных. Среди наемных рабочих и прислуги их было 53,6 % [17, с. 67]. По одним подсчетам, грамотные (умеющие читать и писать) текстильщики — основа промышленного пролетариата региона — по уровню образования занимали четвертую позицию после инструменталистов и полиграфистов (до 73 % грамотных), металлстов (66 %), химиков и пищевиков (около 50 %) и имели около 40 % изначально грамотных рабочих кадров [13, с. 208]. По другим подсчетам, этот процент достигал 60 [4, с. 161], по третьим — 52 [9, с. 115]. В таких типичных для Верхне-Волжского региона промышленных уездах, как Вязниковский (Владимирская губерния) и Родниковский (Костромская губерния) уже к 1897 г. грамотных было от 30 до 38 % всех занятых в промышленных заведениях [2, с. 11]. По более крупным индустриальным центрам, таким как Ярославль, Шуя, Иваново-Вознесенск, Кинешма, на протяжении всего рассматриваемого периода эти показатели были выше — 48—75 %. Уже в 1899 г. 75 % иваново-вознесенских рабочих в возрасте до 30 лет были грамотны [14, с. 51].

В 1902 г. российским историком А. Смирновым были опубликованы результаты исследования состава рабочих нескольких крупных фабрик Покровского уезда Владимирской губернии (по состоянию на 1901 г.). Автор отметил ряд тенденций, характеризующих уровень грамотности пролетариата: «Грамотность фабричных рабочих выше грамотности даже промышлен-

ных владимирских крестьян, на фабриках грамотных — половина..., и из грамотных две пятых прошли трехлетний и более школьный курс. В высших, наиболее оплачиваемых фабричных профессиях грамотных больше, чем в средних, в средних больше, чем в низших. Так, среди последних (чернорабочих, поденщиков и т. п.) грамотных — 44,7 % и из них прошедших 3-летний и более школьный курс — 38 %, среди ординарных рабочих грамотных — 45,8 % и из них с 3-летним школьным курсом — 42,1 %, среди высших кадров рабочих (слесарей, подмастерьев и пр.) — 77,8 % и с 3-летним курсом — 42,1 % [15, с. 153—155].

Исходным положением при определении характеристик грамотности могло выступать и домашнее образование, особенно в больших семьях, в составе которых часто были получившие образование высококвалифицированные рабочие, а также в тех семьях, где мужчины прошли службу в армии. Для значительного количества рабочих средством обретения грамотности, а также профессиональных и технических знаний выступало непосредственное общение с кадровыми рабочими на производстве, ученичество в различных мастерских.

Важнейшими факторами, во многом определявшими условия и возможности получения рабочими образования в конце XIX — начале XX в., выступали на наш взгляд:

- повышение социально-производственного статуса рабочих;
- личная и производственно-необходимая заинтересованность значительной части фабрикантов в образовании и обучении рабочих;
- заинтересованное отношение в развитии народного образования земских структур, а также части государственных чиновников;
- активная культурно-просветительская деятельность в рабочей и крестьянской среде местной интеллигенции;
- возможности режима труда и быта для образования рабочих;
- различные факторы, содействующие или тормозящие обучение детей рабочих (наличие или отсутствие фабричных или иных школ, занятость на производстве или в семье и др.).

Проявление воздействия названных выше факторов в Верхнем Поволжье имело некоторые особенности. Два экономических кризиса, следовавшие один за другим в начале XX в., в значительной степени подрывали материальные возможности семей промышленных рабочих. Ограниченность денежных ресурсов лишала их возможности давать своим детям непрерывное образование. Постоянная нехватка средств вынуждала забирать 7—12-летних детей из школы и устраивать их учениками на производство, отдавать в услужение и т. п. О том, каковы были условия и возможности для обучения детей и подростков из семей рабочих, красноречиво говорит социальная девальвация рабочего законодательства в России. Изначально законом 1882 г. «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» фабрикантам было вменено в обязанность предоставление малолетним рабочим возможности посещать школу при установлении для них 8-часового рабочего дня [12]. Вскоре этот закон был дезавуирован актом «Об изменении постановлений о работе малолетних, подростков и лиц женского пола на фабриках, заводах, мануфактурах и распространении правил о работе и обучении малолетних на ремесленных заведениях». Этим актом правительства была разре-

шена 2-сменная работа для 12—15-летних по 9 часов в сутки, до 4,5 часов в смену или непрерывная 6-часовая работа.

О том, как на практике отразились эти изменения в законодательстве, свидетельствует отчет старшего фабричного инспектора Владимирской губернии за 1908 г.: «...Малолетние, работающие двумя сменами, после 4,5-часовой работы вынуждены отдыхать, а правильнее сказать толкаться по фабричному двору, в малоприспособленном, тесном и антисанитарийном помещении, так как специальных помещений для отдыха не имеется. Уходить домой на столь короткое время, нередко за 2—4 версты ... им нет смысла: они износят больше обуви и одежды и устанут, а в ненастье и холод рискуют здоровьем. Таким образом, вместо 9 часов в сутки им приходится быть занятыми тринадцать с половиной часов, да еще полтора проходить в оба конца, а всего — 15 часов... При таких условиях о возможности какого-либо обучения нельзя и мечтать» [16, с. 13—14].

Тем самым документ свидетельствует, что изменения, вводимые правительством, отвечали лишь условиям столичной и крупной городской промышленности, мало учитывая особенности и потребности провинциальной, где жилье рабочего и производство были зачастую удалены друг от друга на значительное расстояние. Соответственно попытка правительства подчинить отечественную промышленность универсальным нормам без учета региональных особенностей потерпела неудачу. Осознав этот факт, с важными инициативами в деле народного образования выступило земство. Уже в 1897 г. более 70 % губернских и уездных земств России подняли на разных уровнях вопрос о введении всеобщего начального обучения в различных формах, начиная от воскресно-вечерних школ и курсов до низших промышленных школ [11, с. 17].

В конце XIX — начале XX в. ряд земств тратили до 40 % своих средств на открытие и содержание народных училищ. В этот период губернские земства учреждают комиссии по народному образованию, которые активно иницируют расширение практики выдачи беспроцентных ссуд на строительство школ. Так, в Костромской губернии с 1895 по 1905 г. сумма средств, выделенных на эти цели, возросла более чем в 8 раз (с 5450 до 44 338 руб.) [1, с. 21]. Тем не менее школ, доступных детям промышленных рабочих, явно не хватало. В 1900 г. «школы для детей рабочих имели во Владимирской губернии только 36 предприятий, в Костромской — 27, а в Ярославской — всего 9».

В начале XX в. в промышленных центрах Верхнего Поволжья по инициативе и на средства земств вводятся специальные повторительные курсы («для тех рабочих и крестьян, которые знали грамоту, да забыли»), учреждается институт разъездных учителей [1, с. 22, 26]. Первоначально эта деятельность земства встретила недоверчивое отношение и противодействие со стороны фабрикантов, отказавшихся давать помещения для занятий, делать график работы удобным для посещения занятий рабочими и т. п. Однако после экономического спада начала XX в. и революции 1905—1907 гг. в их настроении произошел перелом. На земских собраниях стали рассматриваться проекты по удовлетворению земствами нужд промышленности в низших школах

практического характера [5, с. 14]. По инициативе земств Костромской губернии (Кинешемское, Юрьевоцкое, Нерехтское и др.) фабрикантами для детей беднейших рабочих семей учреждаются особые стипендии с целью обеспечения получения ими образования. Ученики ремесленных школ, заслу-

живающие по своему поведению и прилежанию, а также являющиеся сыновьями несостоятельных родителей, в количестве 1/10 от общего числа всех учащихся освобождались земствами от платы за обучение [19, с. 35—37]. В отчетах земства по народному образованию фабриканты стали называться в числе первых среди тех лиц, которые особенно много сделали для развития школьного дела. Так, например, в Юрьевоцком уезде Костромской губернии фабрикант Красильщиков выстроил на свои средства 10 школ и передал их земству.

Однако для предпринимателей и земцев консервативного склада, привыкших для любого нового дела выкачивать в трехкратном размере деньги, прежде всего из государственной казны, было характерно иное отношение к образованию рабочих. В этой связи сошлемся на суждения выдающегося русского экономиста Н. Д. Кондратьева, который в 1915 г. писал о скепсисе как о преобладающем стиле отношения земства, а соответственно и предпринимателей, промышленно развитого Кинешемского уезда Костромской губернии к делу народного образования, о том, что в этой области земство «всячески уходило от более или менее крупных ассигнований» [6, с. 272].

В этот период при фабриках и заводах активно организуются специальные школы, осуществлявшие профессиональную подготовку рабочих наиболее технологически емких специальностей (ткачи, токари, мастера-ремонтники и др.). Спектр этих школ был весьма широк, начиная от технических курсов и учебных мастерских до технических училищ. Прогрессивно настроенные предприниматели (такие как Красильщиконы) стремились охватить системой профессиональной подготовки практически всех рабочих своих предприятий. При такой организации дела фабриканты добивались того, что доля обучающихся рабочих, имевших необходимый общеобразовательный и профессиональный уровень, постоянно возрастала, и на этой основе возникла возможность организовать группы повышенного типа обучения. Такая система четко работала на рост образовательного уровня рабочих: от уровня выпускника начальной школы до уровня рабочего, способного освоить и применять на производстве необходимый технический минимум знаний. Соответственно фабрика привлекала население как учреждение, дающее не только работу, но и возможность учиться, причем как мужчинам, так и женщинам.

Наработанные на промышленных предприятиях принципы производственно-технического обучения позволили перейти к созданию земских профессиональных школ, рассчитанных на удовлетворение нужд промышленности в технически грамотных рабочих, а также отраслевых профессионально-технических училищ [8, с. 11].

Предпринятые земством, городским самоуправлением и фабрикантами усилия привели в конце XIX — начале XX в. к тому, что число учащихся и школ стало расти быстрее, чем население. Эта тенденция была отмечена Н. Д. Кондратьевым, по подсчетам которого в Кинешемском уезде Костромской губернии с 1863 по 1913 г. количество населения, обслуживаемого одной школой, уменьшилось вдвое, а число учащихся возросло в среднем в 4,5 раза [6, с. 313]. Эти подсчеты сопоставимы с данными по Костромской губернии в целом, где в 1863 г. одна школа приходилась на 123 000 человек, а один учащийся на 3000 душ, в 1913 г. одна школа приходилась уже на 66 000 человек и один учащийся на 685 душ населения.

Необходимо также отметить возрастание роли светского образования в рассматриваемый период. Если в 1896 г. суммарное соотношение светских школ и школ духовного ведомства в Костромской, Владимирской и Ярославской губерниях выражалось цифрами 46,8 и 53,2 % соответственно, то к 1905 г. оно составило уже 52,9 и 47,1 %.

Констатируя эту тенденцию, нельзя не видеть, что школы духовного ведомства вплоть до 1914 г. были важным элементом образовательной системы, как рассматриваемого региона, так и страны в целом.

На десятилетие с 1895 по 1905 г. приходится пик сословной ориентации школы. Правительство совместно с патриархией за этот период ассигновало на церковно-приходские школы в 4,5 раза средств больше, чем на находящиеся в ведении государственных органов образования народные училища [7, с. 142]. Но быстро набирающие темпы индустриализационные процессы стали постепенно отторгать церковно-приходскую школу. Так, во Владимирской, Костромской и Ярославской губерниях число учащихся в училищах Министерства народного просвещения

практически в 2 раза превышало аналогичный показатель по училищам Священного синода, т. е. имея большее число учебных заведений, эта форма образования охватывала вдвое меньше учащихся. Если на 1 училище Министерства народного просвещения в Верхневолжье в среднем приходилось до 70 учащихся, то на 1 училище, подведомственное Священному синоду, — до 29 учащихся.

Индустриализация как фактор повышения образовательного уровня рабочих существенным образом повлияла и на учительские кадры. Если в 70—80-е гг. XIX в. число лиц, получивших звание учителя без необходимого образования, а лишь по соответствующему экзамену, составляло до четверти всех обучающихся, то к началу XX в. этот показатель снизился до 3,5 %, а после 1903 г. педагогов, не имевших специального образования, практически не стало.

Важным явлением социокультурной жизни Верхневолжской провинции стала организация земством и предпринимателями для учителей, ведущих занятия в начальной школе, курсов повышения квалификации. С этой целью приглашались известные в научном мире того времени университетские преподаватели. Летом 1904 г. для учителей Костромской губернии лекции читали: по истории русской литературы — профессор Д. Н. Овсяннико-Куликовский, по педагогической психологии — профессор П. Ф. Каптерев, по школьной гигиене — доктор медицины В. Б. Игнатъев [10, с. 67].

Повышение педагогической квалификации учителей в значительной степени способствовало расширению спектра образовательных услуг, оказываемых учащимся. К 1913 г. из 818 начальных школ Костромской губернии в 447 учителями велись дополнительные занятия, образовательные чтения и беседы с учениками. Многие педагоги организовывали повторительные курсы для взрослых и т. п. Они активно сотрудничали в деле народного образования с рабочими профсоюзами, добивались от государственных органов и земств бесплатного образования и снабжения учащихся учебниками и питанием при школах [3, л. 3].

В Костромской и Ярославской губерниях большую активность в этом направлении проявляли многочисленные общественные объединения, членами которых являлись учителя: «Пушкинское общество содействия народному образованию» (Кострома), «Образование» (Ярославль), различные педагоги-

ческие объединения. Их усилиями были организованы уроки со взрослыми рабочими, целью которых было развитие в слушателях «жажды знаний, любви к чтению, сообщение некоторых необходимых на современном производстве сведений». Другими организационными формами общеобразовательной работы учителей среди рабочих стали народные чтения в помещениях фабричных школ и начальных училищ.

Опыт владимирских, костромских и ярославских учителей по организации народных чтений способствовал принятию общеземским съездом по народному образованию в 1911 г. решения об устройстве учреждений образовательно-воспитательного характера — народных домов, которые понимались как опорные пункты внешкольного образования, где учителя руководствовались гибким учебным планом в соответствии с интересами и запросами слушателей.

Таким образом, процессы индустриализации конца XIX — начала XX в. обусловили стремление пролетариата к получению знаний и достаточно высокий уровень общетехнической подготовки рабочих промышленных предприятий, требовавшийся для успешной работы на производстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Я. Краткий очерк деятельности Костромского губернского земства по народному образованию. Кострома, 1906.
2. Вестник Владимирского губернского земства. Владимир-на-Клязьме, 1903. № 3.;
3. ГАЯО. Ф. 912. Оп. 1. Д. 58.
4. Егоров Е. А. Творцы революции (Рабочие Центрально-промышленного района России. 1900 — февраль 1917). Динамика численности и изменение состава. Ярославль, 1990.
5. Журналы заседаний съезда по выяснению нужд сельско-ткацкой промышленности Владимирской губернии, бывшего 27 и 28 марта 1914 года при Владимирской губернской земской управе. Владимир-на-Клязьме, 1914.
6. Кондратьев Н. Д. Развитие хозяйства Кинешемского земства Костромской губернии (социально-экономический и финансовый очерк). Кинешма, 1915.
7. Королева К. Л. Семейное воспитание и школа в России в мемуарной и художественной литературе (середина XIX — начало XX века). М., 1994.
8. Костромской губернской земской управы доклад о содействии профессиональному обучению населения Костромской губернии. Кострома, 1910.
9. Крузе Э. Э. Положение рабочего класса России в 1900 — 1914 гг. Л., 1976.
10. Опыт основного периодического школьно-статистического обследования начальных школ Костромской губернии. Ч.1. Земские школы. Кострома, 1913.

11. *Пичкуренко Я. Л.* Роль воскресных школ и вечерних курсов для рабочих в освободительном движении России (1859—1903 гг.). Автореф... канд. ист. наук. М. 1953.
12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Т. 2. Спб., 1886. № 931.
13. Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. М., 1983.
14. Русское богатство. 1900. № 12.
15. Русская мысль. 1902. № 5.
16. Свод отчетов фабричных инспекторов за 1908 год. Спб., 1910.
17. *Шишкин В. Ф.* Так складывалась революционная мораль. М., 1967.
18. Школьная комиссия при Костромском губернском земстве. Кострома, 1905.